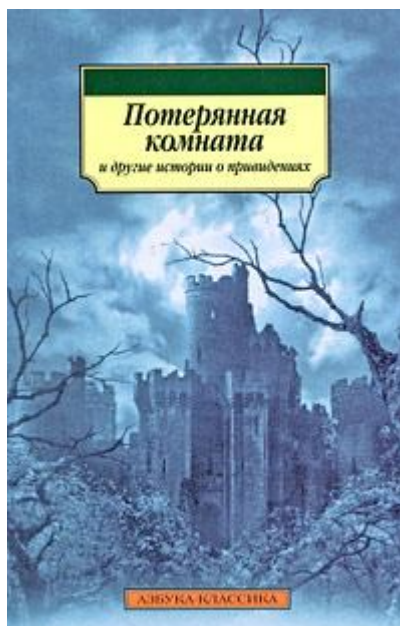

Гай Ньюэлл Бусби Профессор египтологии

Гай Ньюэлл Бусби ПРОФЕССОР ЕГИПТОЛОГИИ

С семи до половины восьмого по вечерам, то есть в предобеденные полчаса, большой зал отеля «Оксиденталь» служит практически гостиной: на протяжении всего сезона его заполняет самая фешенебельная публика, зимующая в Каире. Не было исключением из правила и тот вечер, который я собираюсь описать. У подножия красивой мраморной лестницы (гордость владельца отеля) беседовали французский министр, чье имя было у всех на слуху, и английская герцогиня; ее дочь, хорошенькая, но несколько сублильная девушка, меж тем вяло флиртовала с одним из бимбаши – офицеров англо-египетской армии под командованием сирдара¹, – прибывшим из Судана в отпуск. В гостиной, по правую руку от зала, итальянская графиня (происхождения столь же сомнительного, сколь и ее сомнительные бриллианты) делала вид, что слушает историю, которую рассказывал ей красавец греческий атташе, но на самом деле ловила обрывки фраз, которыми обменивались поблизости остро слов из России и не менее острая на язык дочь Соединенных Штатов. Здесь были представлены едва ли не все национальности, но преобладали – не к нашей чести – англичане. Блестящему зрелищу придавали дополнительную красочность мелькавшие там и сям военные и дипломатические мундиры (позднее должен был состояться прием во дворце хедива²). В целом с политической точки зрения собрание было внушительное.

В конце зала, у больших стеклянных дверей, седовласая статная дама немолодых лет разговаривала с местным английским врачом, одним из самых известных; этот седой, неглупый на вид человек обладал выигрышным свойством: с кем бы он ни общался, собеседнику казалось, будто он для доктора самый интересный и приятный на земле человек. Они обсуждали, как лучше одеться в поездку по Нилу. Сидевшая рядом дочь дамы еще с

¹ ...под командованием сирдара... – Сирдар – в Египте в период английского господства британский офицер, командовавший войсками хедива.

² ...во дворце хедива – Хедив (перс. господин, повелитель) – титул египетских правителей в 1867–1914 гг.

времен их первого посещения Египта была хорошо знакома со взглядами матери на обсуждаемый предмет (то же, впрочем, можно сказать и о докторе), а потому предпочитала, откинувшись на спинку дивана, рассматривать присутствующих. Ее большие темные глаза смотрели задумчиво. Подобно матери, она серьезно относилась к жизни, но интересы у них несколько различались. Не ждать же от девушки, которая была третьей в списке выпускников, сдавших экзамен для получения отличия по математике в Кембридже, что она станет подолгу взвешивать в уме сравнительные достоинства егерского шерстяного трикотажа и простой (она же «садовая») фланели. Из этого, однако, не нужно заключать, будто она была синим чулком – я имею в виду, конечно, общепринятое значение этих слов. За все свои занятия она бралась основательно; поскольку математика увлекала ее так же, как других людей увлекают, скажем, Вагнер, шахматы или крокет, она сделала математику своим хобби и – надобно признать – очень преуспела в этой науке. В другое время она ездила верхом, правила лошадьми, играла в теннис и хоккей и, глядя на мир спокойными, внимательными глазами, была склонна находить в нем больше добра, чем зла. Все мы натуры противоречивые, но лишь немногие ее близкие друзья (таких были единицы, и между собой они не общались) знали, что здравомыслящую, вроде бы не склонную увлекаться фантазиями девушку неудержимо влекла к себе мистика или, точнее, оккультизм. Возможно, она раньше всех прочих стала бы это отрицать, но предлагаемая история послужит лучшим подтверждением моей правоты.

Миссис Уэстморленд с дочерью покинули свой уютный йоркширский дом в сентябре, немного пожили на континенте и добрались до Каира в ноябре – самом удачном, на мой взгляд, месяце: наплыв приезжих еще не начался, гостиничные слуги не устали от своих обязанностей и – что еще важнее – лучшие комнаты пока свободны. Теперь же наступила середина декабря, и фешенебельный отель, которому они не изменяли уже долгие годы, был забит с подвала до крыши. Каждый день прибывали новые желающие и получали отказ, управитель непрестанно сетовал, что не имеет еще сотни комнат, куда разместить новых гостей. Он был швейцарец и потому рассматривал содержание отеля как профессию.

В тот вечер миссис Уэстморленд и ее дочь Сесилия уговорились с доктором Форсайтом вместе пообедать, то есть вкусить трапезу за его столиком, в расчете встретиться с человеком, о котором много были наслышаны, но не имели случая свести с ним знакомство. Речь идет о некоем профессоре Констанидесе, авторе широко известных научных работ, пользовавшемся славой одного из крупнейших специалистов по египтологии. Миссис Уэстморленд не особенно придирчиво выбирала круг знакомых; кто ее сотрапезник – английский граф или авторитетный иностранный *savant*³, – ей было все равно, лишь бы обедать в приятной компании.

– В самом деле, дорогая, какое это имеет значение, – говаривала она, обращаясь к дочери. – Если еда вкусная и вино безупречное – к чему особенно разбираться? Что премьер-министр, что сельский викарий – оба, в сущности, всего лишь мужчины. Накорми их хорошо, и они растянутся и замурлыкают, как кошки. Разговоры им ни к чему. – Из этих слов видно, что миссис Уэстморленд хорошо знала мир, ее окружающий. Разделяла ли ее взгляды мисс Сесилия – вопрос другой. Во всяком случае, она добрых две недели нетерпеливо ждала встречи с Констанидесом, который, как многие считали, обладал особой интуицией (возможно, следует сказать «чутьем»), помогавшей ему находить гробницы фараонов XI, XII и XIII династий.

– Боюсь, Констанидес запаздывает, – произнес доктор, в очередной раз взглянув на часы. – В этом случае, надеюсь, вы разрешите мне, как его другу и приглашающей стороне, за него извиниться.

Доктор всегда любил послушать собственный голос, а в данном случае был особенно к этому расположен. Миссис Уэстморленд была вдова с немалым состоянием, и он не

³ Ученый (фр.).

сомневался, что Сесилия в самом скором времени выскочит замуж.

– У него остается еще три минуты, – спокойно заметила мисс Уэстморленд. И тем же тоном добавила: – Возможно, нам следует его поблагодарить, если он вообще появится.

И миссис Уэстморленд, и ее приятель доктор взглянули на Сесилию с добродушным упреком. У первой не укладывалось в голове, как можно отказаться от такого обеда, какой, несомненно, заказал для их компании доктор; второй же не представлял себе человека, способного разочаровать знаменитого доктора Форсайта, который хоть и не преуспел на Харли-стрит⁴, зато благополучно сколачивал себе состояние здесь, в стране фараонов.

– Уверен, мой добрый приятель Констанидес нас не разочарует. – Доктор в четвертый раз глянул на часы. – Возможно, я слишком тороплю события; во всяком случае, сколько мне известно, он всегда был пунктуален. Замечательный, поистине замечательный человек этот Констанидес. Никогда такого не встречал. А уж ученый!

Высказав такую высокую оценку, доктор подтянул манжеты, поправил галстук, в самой что ни на есть докторской манере устроил на носу пенсне и с вызовом оглядел зал, словно спрашивая, не наберется ли кто-нибудь смелости возразить.

– Вы, конечно, читали «Мифы Древнего Египта», – тоном не вопросительным, а утвердительным заметила мисс Сесилия.

Доктор немного смешался.

– Гм! Погодите минутку, – пробормотал он, пытаясь найти выход из затруднительного положения. – Что ж, по правде, моя дорогая юная леди, я не уверен, что мне довелось изучить именно этот его труд. Собственно, профессиональные обязанности не оставляют досуга, чтобы читать книги, не связанные непосредственно с моей специальностью. Медицинская литература, конечно же, должна быть на первом месте.

У мисс Сесилии дернулись уголки губ, словно она старалась сдержать улыбку. Тут стеклянная дверь вестибюля распахнулась, и на порог ступил мужчина. Вид его был столь необычен, что все повернули головы, но это как будто ничуть его не смутило.

Посетитель был высок, хорошо сложен и выглядел как человек, привыкший повелевать. Глаза на овальном лице были посажены несколько широко. И только когда они смотрели на тебя в упор, ты понимал, какой они обладают силой. Скулы чуть высокие, лоб, пожалуй, круче отступал к черным как смоль волосам, чем встречается обычно у греков. На гладко выбритом лице был виден широкий решительный рот, плотно сжатые губы свидетельствовали о твердом характере. Знатоки моды отметили бы, что посетитель безупречно одет, мисс Сесилия же, щедро наделенная ценным даром наблюдательности, обратила внимание на почти полное отсутствие драгоценностей: исключение составляли единственное кольцо и великолепная жемчужная запонка для воротничка в странной оправе. Посетитель огляделся и, заметив доктора Форсайта, поспешил к нему.

– Дорогой друг, – произнес он по-английски разве что с легчайшим акцентом, – низжайше прошу прощения, если заставил вас ждать.

– Напротив, – бурно возразил доктор, – вы сама пунктуальность. Позвольте мне удовольствие – удовольствие поистине огромное – представить вам моих друзей: миссис Уэстморленд и ее дочь, мисс Сесилию, которую я так часто при вас упоминал.

Профессор Констанидес с поклоном заверил, что очень рад знакомству. Сама не зная почему, мисс Сесилия почувствовала себя приблизительно так же, как в тронном зале, когда ее представляли ко двору. Тут же прозвучал гонг, и под шорох юбок и вееров общество устремилось в столовую. В качестве хозяина доктор Форсайт предложил руку миссис Уэстморленд, Констанидес с мисс Сесилией последовали за ними. Девушка не могла подавить в себе некоторого раздражения: она восхищалась ученым и его трудами, но угораздило же его носить эту фамилию... (Надобно заметить, что последний встреченный ею

⁴ ...хоть и не преуспел на Харли-стрит... – Харли-стрит – улица в Лондоне, где находятся приемные ведущих частных врачей-консультантов; в широком смысле – медики, медицинский мир.

Констанидес беспардонно обманул ее при покупке броши с бирюзой и с тех пор, когда при ней произносили «Констанидес», ей хотелось заткнуть себе уши.) Столик доктора Форсайта находился в дальнем конце, у окна, и оттуда было удобно обозревать всю комнату. Это был незабываемый обед – по крайней мере одной из сотрапезниц он наверняка запомнился на всю жизнь.

За двумя или тремя переменами блюд разговор вели исключительно Сесилия и Констанидес; доктор и миссис Уэстморленд были чересчур заняты, чтобы тратить время на досужую болтовню. Лишь позднее они вспомнили о правилах застолья – другими словами, обратили внимание на своих соседей.

С тех пор я часто задумывался о том, с каким чувством вспоминает Сесилия тот вечер. Не иначе как с целью наказать меня за любопытство, она заявила однажды, что не представляла себе прежде, что такое беседа с по-настоящему умным человеком. Я проглотил обиду: ведь мы с Сесилией если не любовники, то по меньшей мере старые друзья, да и кухарка у миссис Уэстморленд такая, какие на дороге не валяются.

С того вечера Констанидес имел возможность чуть ли не каждый день, хотя бы недолго, наслаждаться обществом мисс Уэстморленд. Они встречались на площадке для поло, совершали поездки по Гезире, ходили за покупками на базар Муски, после дневного чаепития слушали оркестр на балконе отеля «Шепердз». Констанидес неизменно бывал ненавязчив, колоритен и занимателен. Более того, где бы он ни появлялся, он всегда притягивал к себе внимание. Он был явно лучше знаком с туземными кварталами, чем с европейскими. Сесилия отметила, что с ним обходились почтительно, словно с монархом. Она удивлялась, но молчала. Сам я могу только недоумевать, почему ее матушка вовремя ее не предостерегла. Не могла же она не замечать, что столь тесное общение чревато опасностью. Первым забил тревогу старый полковник Беттенем. Он приходился Уэстморлендам отдаленной родней и поэтому мог говорить без обиняков.

– Что он за человек, мне сказать трудно, – заметил он, обращаясь к миссис Уэстморленд, – но на вашем месте я бы поостерегся. В это время года Каир бывает наводнен искателями приключений.

– Но, дорогой полковник, – удивилась миссис Уэстморленд, – не станете же вы утверждать, будто профессор – искатель приключений? Его нам представил доктор Форсайт, и он написал множество умных книг.

– Жизнь, дорогая мадам, не сводится к книгам, – рассудительно возразил полковник с тонкой объективностью, характерной для тех, кто не читает книг. – Собственно, я должен вам признаться, что один из моих капитанов, Фиппс, несколько лет назад написал роман, первый и последний. Товарищи по офицерской столовой указали ему, что это занятие не украшает офицера, и он, знаете, больше не брался за перо. Что до этого человека, Констанидеса, как его называют, то я бы поостерегся, очень бы поостерегся.

Мне говорили, что эта беседа заронила в душу бедной миссис Уэстморленд такое беспокойство, в котором она не призналась бы даже самой себе. Подобно дочери, она подпала под профессорские чары. Если бы кто-нибудь принялся допытываться, она бы, несомненно, не стала отрицать, что предпочитает грека-профессора англичанину-полковнику – даром что это прозвучало бы ересью. И все же... ладно, вы и без дальнейших объяснений поймете, что я имею в виду. Думаю, именно я первым заметил, что назревают серьезные неприятности. Я уловил у девушки во взгляде напряженность и не знал, чем ее объяснить. Потом у меня в сознании забрезжила истина, и – стыдно признаться – я начал пристально наблюдать за Сесилией. Сейчас у нас нет друг от друга секретов и она рассказала мне о многом, что случилось в этот поистине поразительный период, ибо иначе как поразительным его не назовешь. Никто из нас, пожалуй, не сознавал, насколько своеобразна разыгравшаяся у нас на глазах драма; осмелюсь предположить, что второй такой не бывало никогда. Минуло Рождество, на пороге был Новый год, и вот приблизилась развязка. Думаю, к тому времени даже миссис Уэстморленд заподозрила что-то неладное. Но вмешиваться было слишком поздно. Что Сесилия не была влюблена в Констанидеса, я ни

минуты не сомневаюсь. Скорее она была им зачарована, зачарована до глубины души – случай (к счастью для человечества) столь же редкий, сколь и непонятный. Кризис наступил – если говорить точно – 3 января, во вторник. Вечером миссис Уэстморленд с дочерью в сопровождении доктора Форсайта отправилась на прием во дворец одного паши, чье имя мне, очевидно, не следует упоминать. Ради ясности повествования нужно только оговорить, что паша считал себя во многом современным человеком и немало этим гордился и что получить приглашение к нему жаждал всяк и каждый. В его гостиной можно было встретить самых выдающихся людей Европы, а при случае вам приоткрывались даже политические интриги, которые – выражаясь осторожно – давали повод поразмыслить о ненадежности всех человеческих начинаний и политики в частности.

Констанидес появился далеко не в начале вечера. Гости заметили, что он более обычного молчалив. Позднее Сесилия позволила ему увести ее на балкон: в эту ясную лунную ночь оттуда открывался превосходный вид на Нил. Что в точности он ей сказал, я так и не смог выяснить, единственно ее мать уверяла, что дочь возвратилась очень взволнованная. Собственно, они почти сразу же вернулись в отель, и Сесилия, сославшись на усталость, ушла спать.

Дальнейшая часть истории покажется вам, как и мне в свое время, невероятной. Тем не менее у меня есть неоспоримые доказательства ее истинности. Время близилось к полуночи; в большом, обычно шумном отеле ненадолго воцарилась тишина. Сказав, что Сесилия ушла спать, я был не совсем точен: она пожелала матери спокойной ночи и удалилась к себе, но не легла. Несмотря на то что за окном было свежо, Сесилия распахнула створки и стала рассматривать залитую лунным светом улицу. О чем она думала, не знаю, она и сама этого не помнит. Однако я склонен считать, что она находилась в полугипнотическом состоянии и голова ее была свободна от мыслей.

Далее я предоставляю слово самой Сесилии.

Как долго я простояла у окна, не знаю. Может, пять минут. А может, час. И тут произошло нечто странное. Я понимала, что это неблагоприятно и даже предосудительно, но меня неудержимо потянуло на улицу. Я просто задыхалась в доме и чувствовала, что если тут же не выйду на свежий воздух, то умру. Что еще поразительней, мне нисколько не хотелось обуздать этот необычный порыв. Мною словно бы управляла воля гораздо более сильная, чем моя, и сопротивляться ей не было никакой возможности. Едва созная, что делаю, я переоделась, накинула на себя плащ, выключила электрический свет и вышла в коридор. Все слуги-арабы в белых одеяниях были простерты на полу: так у них принято спать. Стук моих шагов на главной лестнице поглощал толстый ковер. Зал был погружен в полутьму, ночной сторож был где-то на обходе, меня никто не видел. Пройдя вестибюль, я повернула ключ парадной двери. Мне все так же везло: замок сработал беззвучно и я очутилась на улице. Но даже тут я не подумала о том, насколько глупа эта эскапада. Я ощущала только таинственную силу, которая влекла меня вперед. Без колебания я свернула направо и зашагала по тротуару так быстро, как никогда в жизни не ходила. Под сенью деревьев было сравнительно темно, но на дороге – светло как днем. Однажды мимо меня проехала карета, до слуха донеслись веселые голоса пассажиров-французов; в остальном на городских улицах не было как будто никого, кроме меня. Позднее с минарета соседней мечети муэдзин пропел призыв к молитве, его подхватили муэдзины на других мечетях. На очередном углу я, как по команде, остановилась. Вспоминаю, что меня пробирала дрожь, но почему – неизвестно. Говорю об этом только затем, чтобы отметить: хотя я не владела собой и не могла вернуться в отель, способность наблюдать осталась при мне.

Едва я оказалась на упомянутом углу (я его узнаю, наверное, если увижу снова), как дверь одного из домов отворилась и оттуда вышел мужчина. Это был профессор Констанидес, однако его появление в подобном месте в подобный час, как и прочие события этой ночи, нисколько меня не удивило.

– Вы мне повиновались, – произнес он вместо приветствия. – Это хорошо. А теперь в

путь: час уже поздний.

Тут же послышался грохот колес, из-за угла быстро вывернул экипаж и остановился рядом с нами. Спутник помог мне войти и занял соседнее место. И даже тогда, совершая неслыханный поступок, я и не думала сопротивляться.

– Что это значит? – спросила я. – Бога ради, что это значит? Зачем я здесь?

– Скоро узнаете, – последовал ответ, и в голосе профессора почудилась незнакомая мне нота.

Прежде чем снова заговорить, мы проехали значительное расстояние и даже как будто пересекли реку.

– Подумайте, – сказал мой спутник, – не припоминаете, случалось ли нам раньше вместе ездить?

– В последнее время очень часто, – ответила я. – Вчера – на поло, а накануне – к пирамидам.

– Подумайте еще. – Спутник коснулся моей руки. Его ладонь была холодна как лед. И все же я только помотала головой.

– Не помню, – отвечала я, но перед моим мысленным взором все же мелькнула туманная картина, слишком неуловимая, чтобы назвать ее воспоминанием.

Профессор еле слышно вздохнул, и мы снова замолчали. Лошади, судя по всему хорошие, шли резвым аллюром. Я не особенно интересовалась дорогой, но наконец что-то привлекло мое внимание и я поняла, что мы следуем к Гизе. Вскоре показался знаменитый музей, прежний дворец экс-хедива Исмаила⁵. Тут же экипаж остановился в тени альбиций⁶, и спутник помог мне выйти. Он сказал что-то (насколько я поняла, по-арабски) кучеру, тот хлестнул лошадей и поспешно укатил.

– Пошли, – произнес мой спутник тем же повелительным тоном и первым направился к воротам старого дворца.

Выполняя его волю, как свою собственную, я все же отметила, как красиво выглядит здание при лунном свете. Днем оно представлялось блеклым и бестелесным, теперь же, в восточных кружевах, являло собой зрелище поистине сказочное. Профессор отпер ворота. Как ему это удалось, не знаю. Достаточно того, что не успела я оглянуться, как мы уже пересекли сад и стали подниматься по ступенькам главного входа. Осталась за спиной дверь, мы очутились в переднем помещении. И снова я подчеркиваю поразительный факт: даже и теперь я не испугалась, а ведь случись это невероятное приключение в другое время, меня бы, наверное, трясло от страха. Лунный свет лился потоком, обрисовывая древнюю скульптуру, прочие невероятные памятники давно минувших эпох. Мой спутник отдал новый приказ, и мы пересекли вторую комнату, оставив позади «Сельского старосту» и «Сидящего писца». Я потеряла счет помещениям, мне казалось, что мы взбираемся по бесконечной лестнице. Наконец в одной из комнат Констанидес замедлил шаг. Там хранились многочисленные саркофаги с мумиями, лунный свет проникал через отверстие в потолке. Мы остановились перед одним из саркофагов – я обратила на него внимание, когда в последний раз была с профессором в музее. Я четко различала роспись. Ловким движением, выдававшим привычку, профессор Констанидес сдвинул крышку – моим глазам предстала мумия, обернутая бинтами. Лицо, на удивление хорошо сохранившееся, было открыто. Я взгляделась, и мной овладело чувство, какого я никогда не испытывала. Тело мое словно бы сжималось, кровь леденела. Вначале я пыталась сопротивляться, вырваться из державших меня оков. Но тщетно. Я проваливалась... проваливалась неизвестно куда. Откуда-то с далекого расстояния послышался голос человека, приведшего меня в музей.

⁵ ...знаменитый музей, прежний дворец экс-хедива Исмаила. – Исмаил-паша (1830–1895), хедив Египта (с 1863 г.; низложен в 1879 г.). Музей Египта, находящийся в Каире, является самым большим в мире хранилищем предметов древнеегипетского искусства (ок. 120 тысяч экспонатов). Открыт в 1902 г.

⁶ ...в тени альбиций... – Альбиция – род деревьев и кустарников семейства бобовых.

Вспыхнул свет, я словно бы попала в сон, но для плода фантазии он был слишком реален, слишком правдоподобен.

Вокруг царила ночь, небо было усеяно звездами. В отдалении располагался большой армейский лагерь, время от времени звучали выкрики часовых. Как ни странно, меня это не удивляло. Даже свою необычную одежду я принимала как должное. Слева, у реки, стоял большой шатер, перед ним постоянно сновали вооруженные люди. Я огляделась, словно кого-то ожидая, но никто не появился.

– В последний раз, – говорила я себе. – Будь что будет, это в последний раз!

Я все ждала, в тростниках на берегу реки вздыхал ветер. Из ближней палатки (шла война с ливийцами, войско возглавлял самолично Узиртазен, сын Аменемхета) доносился шум, там пировали. Из пустыни тянуло холодом, я дрожала в тонкой одежде. Потом я укрылась в тени соседней скалы. Послышались шаги, появился высокий человек, он ступал осторожно, словно опасаясь быть замеченным часовыми у царского шатра. Увидев его, я вышла ему навстречу. Это был не кто иной, как Синухет, младший сын Аменемхета и брат Узиртазена⁷ (тот в это время совещался в шатре со своими военачальниками).

Он и сейчас стоит у меня перед глазами: высокий, красивый, с дерзким, как подобает мужчине, видом. Он ступал уверенным шагом человека, которого с детства готовили к ремеслу воина. На миг я пожалела о том, что несу ему дурную весть, – но только на миг. Я услышала голос Узиртазена в шатре и после этого не могла думать ни о ком другом.

– Это ты, Нофрит? – спросил Синухет, заведя меня.

– Я! А ты опаздываешь, Синухет. Не спешишь расстаться с пиршественной чашей.

– Ты несправедлива ко мне, Нофрит, – отвечал он гневно (Синухет был известен своей вспыльчивостью). – Этим вечером я вовсе не пил вина. Я пришел бы раньше, но меня задержал начальник стражи. Ты на меня не сердишься, Нофрит?

– Нет, как бы я посмела, господин. Ты ведь царский сын, Синухет.

– Клянусь богами, лучше бы я им не был. Все достанется Узиртазену, моему брату, а я, как шакал, должен подбирать объедки. – Он помолчал. – Но наш замысел идет к успешному концу. Еще немного подождать, и я стану правителем этой земли и всей страны Хем в придачу. – Синухет выпрямился в полный рост и бросил взгляд на спящий лагерь. Всем было хорошо известно, что между братьями нет особой любви и совсем нет доверия.

– Тише, тише, – шепнула я, опасаясь, как бы кто его не услышал. – Не говори так, господин. Если тебя кто-нибудь услышит, ты знаешь, какова будет расплата!

Синухет злобно усмехнулся. Ему было хорошо известно, что пощады от Узиртазена ждать не приходится. Он и прежде навлекал на себя подозрения, а теперь затеял отчаянную игру. Он шагнул ближе и взял мою руку. Я бы отняла ее, но не успела. В том, что он настроен серьезно, сомневаться не приходилось.

– Нофрит, – начал он, и я ощутила на щеке его дыхание, – что ты мне ответишь? Время разговоров прошло, пора действовать. Как тебе известно, я предпочитаю действия словам, и завтра мой братец Узиртазен поймет, что я не слабее его.

Мне было известно такое, что я могла бы высмеять его хвастливую речь. Но время для этого еще не пришло, и я промолчала. Синухет устроил заговор против своего брата, которого я любила, и надеялся на мою помощь. Но я не собиралась ему помогать.

– Послушай. – Синухет еще приблизился и заговорил таким тоном, что не поверить в

⁷ *Узиртазен, сын Аменемхета... Синухет, брат Узиртазена...* – Изложенный в рассказе сюжет о соперничестве братьев – сыновей фараона лишен исторической основы; имена героев заимствованы из выдающегося памятника древнеегипетской литературы – «Повести о Синухете», известной со времени Среднего царства. Фараон Аменемхет I правил Египтом с 2000 по 1970 г. до н. э. Герой повести – знатный вельможа Синухет, живший во времена Аменемхета I и Сенусерта I.

После смерти Аменемхета I Синухет, опасаясь смуты, бежит в Сирию, где обретает богатство и высокое положение. Позднее по приглашению Сенусерта I он возвращается в Египет, обласканный новым правителем. Некоторые ученые считают Синухета подлинным историческим лицом. Имя матери Сенусерта I – Нофрит-Атон-Тенен; Нофрит – жена Сенусерта II. Узиртазен – имя нескольких египетских фараонов.

его искренность было невозможно: – Ты знаешь, как я тебя люблю. Ради тебя я сделаю все, что угодно. Будь сейчас мне верна и потом требуй, чего только душа пожелает. Все готово, еще до захода луны я стану фараоном и усядусь на трон рядом с Аменемхетом, моим отцом.

– Ты так уверен, что твой план не провалится? – Я усмехнулась, поражаясь его безрассудству, ибо безрассудством было думать, будто по его слову победоносная армия нарушит верность своему полководцу и обратится в бегство перед лицом врага. Более того, я знала: зря он считает, что отец ценит его больше, чем Узиртазена, так много сделавшего для царства, любимого и знатью, и простым народом. Но Синухет не привык задумываться об опасностях и возможных неудачах. Его вера в себя была безгранична, он не сомневался в успехе своего заговора против брата и отца. Он раскрыл мне свои планы, они были дерзкими, но я видела, что они обречены на провал. На что он мог рассчитывать в случае неудачи? Я слишком хорошо знала Узиртазена, чтобы ожидать от него милосердия к брату. Из всех сил стараясь быть убедительной, я взмолилась, чтобы Синухет отказался от своего замысла или, на худой конец, отложил его. С яростью во взгляде он схватил меня за руку и притянул к себе.

– Ты решила меня предать? Тогда тебе лучше пойти и утопиться в реке. предай меня – и тебя не спасет ничто и никто, даже сам фараон.

Я знала, что так и будет. Синухет был настроен отчаянно: задумывая заговор, он поставил на карту все, что имел. Могу сказать уверенно: в том, что нас свела судьба, не было моей вины, и все же именно в эту ночь мне ничего не осталось, как только встать на его сторону или навлечь на него гибель.

– Нофрит, – сказал он чуть погодя, – звание супруги фараона, оно ведь чего-то стоит? Как его не пожелать, особенно если желание так легко исполнимо?

Я знала, однако, что он обманывает себя ложными надеждами. То, что он задумал, никогда не осуществится. Я была как сухая трава меж двух огней. Хватило бы единственной искорки, чтобы разгорелся пожар, который меня уничтожит.

– Слушай, Нофрит, – продолжал Синухет. – Тебе ничего не стоит вызнать планы Узиртазена. Извести меня завтра, что у него на уме, а об остальном можно не беспокоиться. Твоя награда превзойдет все ожидания.

Я не собиралась выполнять его просьбу, но и перечить ему сейчас было смерти подобно. Я дала уклончивый ответ, позволив ему надеяться на мою помощь, простилась и поспешила в свое временное жилище. Не прошло и часа, как ко мне явился посланец от Узиртазена: тот звал меня к себе. Не ведая, что это значит, я сразу повиновалась.

Узиртазена я застала в окружении его военачальников. С первого взгляда сделалось ясно, что он на кого-то очень зол, и у меня были все причины предположить, что рассердила его я. Увы, я была права. Заговор Синухета был разоблачен, его взяли под стражу, о нашей с ним вечерней встрече сделалось известно. Тщетно я уверяла, что невиновна. Улики были против меня.

– Говори, девица, рассказывай все, что тебе известно. – Голос Узиртазена было не узнать. – Тебя спасет только правда. Посмотрим, совпадет ли твой рассказ с рассказами остальных!

Дрожа всем телом, я стала отвечать на вопросы. Было ясно, что Узиртазен больше мне не доверяет, что благосклонность его утеряна мной безвозвратно.

– Хорошо, – проговорил он, когда я закончила рассказ. – А теперь повидаемся с твоим соучастником, человеком, который меня – будущего фараона – предал бы мечу, не получи я вовремя предупреждения.

Он подал знак одному из стоявших рядом командиров, тот вышел и вскоре вернулся с Синухетом.

– Приветствую тебя, братец. – Узиртазен произнес это насмешливо, развалившись на стуле и глядя из-под опущенных век. – Недолго ты мешкал сегодня за пиршественной чашей. Боюсь, вино пришлось тебе не по вкусу. Прости, в другой раз поищем что-нибудь получше, и то как бы ты не счел нас негостеприимным хозяином.

– У меня были дела, я не мог задерживаться, – отвечал Синухет, глядя брату в глаза. – Едва ли ты желаешь, чтобы я пренебрегал своими обязанностями.

– Ну что ты! Может, эти дела касаются нашей личной безопасности? – продолжал Узиртазен все так же мягко. – Может, до тебя дошли слухи, что кто-то в нашем войске замышляет против нас недоброе? Назови их имена, чтобы мы могли примерно их наказать.

Не дав Синухету времени ответить, Узиртазен вскочил на ноги.

– Собака! – вскричал он. – И ты смеешь ссылаться на дела, когда занят не чем иным, как заговором против моего и отцова престола. Многие месяцы я подозревал тебя и вот вывел на чистую воду. Клянусь богами, чье имя свято: прежде чем прокричит петух, ты будешь казнен.

Тут Синухет заметил меня и вскрикнул. На лице его было ясно написано: он думал, что я его выдала. Он собирался заговорить, скорее всего, опровергнуть мои слова, но снаружи раздался гул голосов. Узиртазен приказал страже узнать, что произошло; в шатер вошел гонец. Он был в пыльной одежде, уставший с дороги. Приблизившись к Узиртазену, посланец преклонил колени.

– Приветствую тебя, фараон, – начал он. – Я послан к тебе из дворца Титуи.

Лицо Узиртазена исказила тревога. На лбу Синухета выступили капли пота. Мы узнали, что Аменемхет умер и, соответственно, царство унаследовал Узиртазен. Новость была столь неожиданной, а следствия ее столь далеко идущими, что все это невозможно было сразу осмыслить. Я покосилась на Синухета, наши глаза встретились. Мне показалось, он что-то замышляет. Как молния он метнулся ко мне, сверкнул в воздухе кинжал, в грудь мою вонзилось горячее железо, больше я ничего не помню.

Почувствовав, что падаю, я очнулась от сна (если то был сон): я находилась в музее рядом с саркофагом, тут же стоял профессор Константи́дес.

– Ты видела, – сказал он. – Через века ты заглянула в тот день, когда ты была Нюфрит и я, решив, что ты меня предала, убил тебя. Потом я бежал из лагеря в Кадуму. Там я и умер, но было определено, что моя душа не узнает покоя, пока мы не встретимся и ты меня не простишь. Все эти годы я ждал... и вот мы наконец встретились.

Странно сказать, даже и тут мне не пришла мысль, что происходит нечто невероятное. Но теперь, когда это приключение черным по белому занесено на бумагу, я спрашиваю себя, не слишком ли многого я требую, призывая здравомыслящих людей мне поверить. Неужели я действительно та самая Нюфрит, которую четыре тысячелетия назад убил за мнимое предательство Синухет, сын Аменемхета? Это представлялось невероятным, и все же, если то был сон, порожденный моим воображением, тогда что он означает? Боюсь, на эту загадку ответа мне не получить.

Я молчала, и мое молчание, судя по всему, причинило профессору боль.

– Нюфрит, – его голос взволнованно дрожал, – подумай, как я нуждаюсь в твоём прощении. Без него я погиб, и здесь, и в ином мире.

В негромком голосе звучала мольба, на освещенном луной лице отражалось беспредельное отчаяние.

– Прости... прости, – вскричал он снова, простирая ко мне руки. – Если не простишь, меня вновь постигнет мука; я терзаюсь ею с тех самых пор, как совершил деяние, навлекшее на меня погибель.

Меня трясло, как лист на ветру.

– Если вы говорите правду, чему я не могу поверить, я от души вас прощаю. – Я едва узнавала собственный голос.

Несколько мгновений Константи́дес молчал, потом опустился на колени и поднес к губам мою руку. Встал и склонил голову на грудь мумии, рядом с которой мы стояли. И, обращаясь к мумии, заговорил:

– *Упокойся, Синухет, сын Аменемхета*, ибо предсказанное свершилось и наказанию твоему пришел конец. Отныне тебе дозволено почивать в мире.

Он водрузил на место крышку гроба и повернулся ко мне.

– Пойдем, – сказал он, и мы прежним путем направились к выходу.

Покинув здание, мы выбрались через сад на дорогу. Там нас ждал экипаж, мы сели. Лошади вновь помчались во весь опор по тихой дороге, унося нас обратно в Каир. Во время поездки мы не произнесли ни слова. Моим единственным желанием было вернуться в отель и склонить больную голову на подушку. Остался за спиной мост, впереди лежал город. Который пробил час, я не имела ни малейшего понятия, но прохладный ветерок говорил о близости рассвета. На прежнем углу кучер остановил лошадей, я вышла, и он, словно повинувшись отданному наперед распоряжению, уехал.

– Разрешите проводить вас в отель? – с обычной любезностью спросил Констанидес.

Я пыталась ответить, но голос мне отказал. Я бы предпочла проделать путь в одиночку, но мой спутник не мог этого допустить, и мы отправились вместе. На углу возле отеля мы остановились.

– Здесь нам нужно расстаться. – Помолчав, Констанидес добавил: – Навсегда. Больше я никогда не увижу вашего лица.

Я смогла только спросить:

– Вы покидаете Каир?

– Да, я покидаю Каир, – повторил он с особенным упором. – Я исполнил то, что должен был исполнить. Не бойтесь, больше я вас не потревожу.

– Я не боюсь. – Это была неправда: я не просто боялась, а обмирала от страха.

– Нофрит – ибо, верьте или не верьте, вы та самая Нофрит, которую я хотел сделать царицей и любил больше всех женщин на свете; сегодня ночью вам было дозволено заглянуть в прошлое, но это в первый и последний раз. Распорядись судьба иначе, мы свершили бы вместе великие деяния, однако сие было не угодно богам. Так пусть прошлое покоится с миром. А теперь... прощайте! Этой ночью я обрету покой, к которому так долго стремился.

Не добавив ни слова, он повернулся и ушел. Как так получилось, не знаю, но дверь отеля была открыта, и я поспешно проскользнула внутрь. И снова, к моей радости, в зале не было ночного сторожа.

Опасаясь попасться кому-нибудь на глаза, я взлетела по лестнице, пробежала коридор, где в тех же позах спали слуги, и оказалась у себя. В комнате ничто не изменилось, можно было надеяться, что о моем отсутствии никто не заподозрил. Я снова подошла к окну и, необычно взволнованная, выглянула на улицу. В небе уже были заметны признаки рассвета. Сев и вспомнив события вечера, я, несмотря на неоспоримые доказательства, попыталась убедить себя в том, что видела сон. Но нет, не смогла! Наконец я утомилась и легла в постель. Обычно я засыпаю быстро, но не стоит удивляться, что в этот раз сон не приходил. Час за часом я ворочалась с боку на бок, в голове крутились мысли. Встав и посмотревшись в зеркало, я едва узнала себя. За завтраком матушка обратила внимание на мой изможденный вид.

– Детка, ты выглядишь так, будто всю ночь не ложились, – заметила она, откусывая тост. Она сама не ведала, насколько была близка к истине.

Потом она с одной дамой из отеля отправилась за покупками, а я вернулась к себе, чтобы прилечь. Когда мы встретились за ланчем, я сразу заметила, что матушка хочет сообщить важную новость.

– Дорогая Сесилия, я только что виделась с доктором Форсайтом и потрясена до глубины души. Не хочу тебя пугать, дитя, но слышала ли ты, что *профессора Констанидеса сегодня обнаружили в постели мертвым?* Кошмар, да и только! Похоже, он скончался этой ночью!

Не стану утверждать, будто нашлась, что ей ответить.